

ВЕЛИКИЙ ПРЕЕМНИК

**БОЖЕСТВЕННО СОВЕРШЕННАЯ СУДЬБА
ВЫДАЮЩЕГОСЯ ТОВАРИЩА КИМ ЧЕН ЫНА**

АННА ФАЙФИЛД

Россия в глобальной политике

Анна Файфилд

**Великий Преемник.
Божественно Совершенная
Судьба Выдающегося
Товарища Ким Чен Ына**

«Альпина Диджитал»

2019

Файфилд А.

Великий Преемник. Божественно Совершенная Судьба
Выдающегося Товарища Ким Чен Ына / А. Файфилд —
«Альпина Диджитал», 2019 — (Россия в глобальной политике)

ISBN 978-5-9614-4058-4

Когда мировая общественность в 2011 г. узнала о преемнике Ким Чен Ира, никто не был уверен ни в точном возрасте Ким Чен Ына, ни в каком-либо другом факте из его жизни, не говоря уже о планах молодого вождя по управлению страной. Его фигура и поныне окружена мифами и домыслами — начиная от заверений, что он с детских лет водит автомобиль и пилотирует самолеты, до кровавых историй о неугодных членах семьи Ким, которые «исчезали» по его приказу. Для своей книги журналист The Washington Post Анна Файфилд собрала всю информацию о Ким Чен Ыне, какую только можно было найти, чтобы создать максимально достоверный портрет самого загадочного лидера самого закрытого государства в мире. Она провела сотни часов интервью как с теми, кто лично общался с Любимым и Уважаемым Товарищем Ким Чен Ыном, так и с теми, кто бежал от режима или был им обласкан. Автор встречалась с суши-поваром семьи Ким, который был кем-то вроде товарища по играм для маленького Ким Чен Ына; нашла сбежавших в Америку тетю и дядю, его опекунов, пока юный наследник учился в Швейцарии; общалась с людьми, сопровождавшими Денниса Родмана во время его баскетбольно-дипломатической миссии в Северную Корею. Перед вами увлекательная биография фаната баскетбола, карикатурного диктатора и расчетливого стратега, чья цель — доказать свою силу и сохранить унаследованный им режим вопреки всему.

ISBN 978-5-9614-4058-4

© Файфилд А., 2019

© Альпина Диджитал, 2019

Содержание

Анахронизм, ставший предвестником	7
От автора	12
Пролог	13
Часть первая	18
Глава 1	18
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Анна Файфилд

Великий Преемник. Божественно Совершенная Судьба Выдающегося Товарища Ким Чен Ына

Переводчик *Н. Мезин*

Редактор *Н. Еришова*

Главный редактор *С. Турко*

Руководитель проекта *Л. Разживайкина*

Корректоры *Е. Аксёнова, О. Улантимова*

Компьютерная верстка *А. Абрамов*

Арт-директор *Ю. Буга*

Дизайн обложки *Pete Garceau*

Иллюстрация на обложке www.vectorportal.com

© 2019 by Anna Fifield

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Паблишер», 2021

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Посвящается 25-миллионному народу Северной Кореи. Да обретет он свободу жить как хочет

Анахронизм, ставший предвестником

Книгу, которую вы держите в руках, автор завершает следующим прогнозом: «Ким Чен Ын может быть уверен, что, если Трамп проиграет выборы, следующий президент не будет настолько благосклонен к северокорейскому диктатору». Когда «Великий преемник» выходил в свет в Соединенных Штатах, до американского голосования оставалось полтора года. Русское издание появляется на прилавках буквально накануне выборов, которые, как уверены комментаторы любого толка, будут беспрецедентными.

COVID-19, «холодная гражданская война» и личностный фактор делают ноябрь 2020-го рубежным. Первый президент США, встретившийся лицом к лицу с руководителем КНДР, может, подобно комете, пронестись по мировому политическому горизонту – оставить яркий запоминающийся шлейф, но быстро исчезнуть из поля зрения. Его собеседнику подобная участь не грозит – в северокорейской династической системе правят пожизненно, и только медицинские показания определяют срок нахождения лидера у штурвала. С этим, правда, у главного героя, если верить разнообразным слухам, не вполне благополучно. Но верно и иное – нет, пожалуй, на земле другого правящего клана, который так умело и охотно использовал бы мистификацию, в том числе об истинном состоянии верховных жрецов, для решения своих задач. Главная из которых – выживание системы в крайне неблагоприятных для нее условиях.

Корейская Народно-Демократическая Республика – один из самых удивительных феноменов международной политики конца XX – начала XXI в. Когда на рубеже 1980–1990-х гг., как карточный домик, рассыпалась мировая социалистическая система, все были уверены, что дни «страны чучхе» сочтены. И уж тем более краха ждали в 1994 г., когда умер главный столп вероучения Ким Ир Сен, а на смену пришел Ким Чен Ир, сын основателя корейского социализма, сам авторитетом отца не обладавший. Однако с тех переломных событий мировой истории прошло 30 лет, у власти уже внук, а ожидавшихся перемен на Корейском полуострове так и не произошло.

Анализ внутренних причин того, почему экзотический режим оказался настолько устойчивым, – удел профессиональных корееведов, к числу которых автор предисловия не относится. Отчасти представление об особенностях существования Северной Кореи можно получить и из этой книги, хотя она, конечно, о другом. Это повествование о мировом селебрити, ставшем, как говорят о знаменитостях, иконой. Только вот чего? Рискнем сказать, что иконой, образом своего времени не только и не столько внутри собственного самобытного замкнутого пространства, сколько в глобальном масштабе.

Ким Чен Ын всегда был излюбленным персонажем западных карикатур – пухлый бутуз-поджигатель не совсем в своем уме переходил из сюжета в сюжет. Но ему удалось добиться того, о чем могли только мечтать и отец, и даже дед, – оказаться на равных с самым могущественным человеком мира, президентом Соединенных Штатов Америки. И дело, конечно, не в том, что, как твердят вашингтонские недруги Трампа, он испытывает «влечение, род недуга» к любым автократам, и чем они звероподобнее, зловреднее, тем милее экстравагантному президенту США. Да, Ким-третий оказался сильным и расчетливым игроком, виртуозно умеющим блефовать, балансировать на грани предельного риска, тонко чувствуя черту, за которую нельзя заходить, но до которой обязательно надо дойти. Трампа это, вероятно, бодрит. Но куда важнее, что Ким в утрированной форме отразил, сконцентрировал дух меняющегося времени. Новой эпохи, когда на место свода правил поведения и набора механизмов взаимодействия (пусть даже конфронтационного, но согласованного, как в годы холодной войны) пришла философия «каждый за себя», «сила самоценна» и «поймай меня, если сможешь».

В 1990-е и 2000-е гг. Северная Корея повсеместно (даже среди ее симпатизантов) воспринималась в качестве причудливого, невесть как сохранившегося анахронизма. Ким Чен

Ын превратил «цитадель чучхе» в органичный элемент международной среды, которая начала заметно меняться примерно в то время, когда «великий преемник» возглавил страну (2011-й). Либеральный мировой порядок, пришедший, как были уверены в конце XX в., не просто надолго, а навсегда, стал расползаться прежде всего под воздействием внутренних изменений в странах-лидерах. Повышение значимости военной силы. Начало процесса деглобализации, фрагментации экономического пространства планеты. Подъем политиков с нескрываемо авторитарными предпочтениями. Повышение роли государства, акцент на его ресурсы, возможности и потребности. Все большая неразборчивость в применяемых средствах, лишь бы вели к цели. Манипулирование нарративами, вышедшее на уровень создания многочисленных параллельных реальностей. Наконец, ускоряющееся размывание идеи о том, что существует некая универсально правильная модель развития, к которой так или иначе придут все. Подчеркивание ценности многообразия. Рост интереса к всяческой идентичности.

Если примерить эти международные процессы на КНДР, окажется, что все они имели там место с самого начала, причем в радикально выраженной форме. Северная Корея, конечно, не стояла совсем на месте, правление одной семьи на протяжении почти 75 лет не означает совершенное застывание форм. Но перемены явно уступали по скорости и масштабу темпам и глубине изменений в мире. И вот мировая политика, совершив полный оборот, миновав этап либеральной глобализации, снова сблизилась с тем, что всегда составляло основу чучхе. Опора на собственные силы – суть этой идеологии. Планета на себе испытала важность такого принципа весной 2020 г., когда каждая страна оказалась один на один с пандемией.

Успех Ким Чен Ына, его прорыв в высшую лигу «большой игры» связаны с тем, что, почувствовав фундаментальные сдвиги мировой ситуации, он стал взвинчивать ставки, действовать жестко и провокационно. Стопроцентная управляемость КНДР, обеспечиваемая репрессивной машиной. Способность подчинить всю страну решению конкретной геостратегической задачи (продвижение ракетно-ядерной программы). Отсутствие ограничителей внутри государства, в частности, никем не оспариваемое право на риск, связанный с желанием постоянно дразнить самые главные державы планеты. Умение, резко меняя амплуа, играть на международной арене то очень злого и при этом даже не вполне вменяемого следователя, то доброго доктора-целителя историко-политических ран. Все эти обстоятельства обеспечили Киму качественно иной международный статус, чем его предшественникам.

В их времена ситуация в Северной Корее была похожей. Но в относительно упорядоченном мире, каким он являлся в годы холодной войны и еще приблизительно десятилетие после нее, нацеленные вовне эскапады были возможны только при поддержке или с санкции грандов – лидеров двух противостоящих блоков. Демократизация мировой среды, снижение контроля со стороны самых влиятельных держав предоставили большой простор для маневра «малым» и «средним». Тем из них, у кого хватало амбиций, воли и авантюризма не просто приспособляться к окружающим реалиям, а попробовать менять в свою пользу если не их самих, то свое в них место. И здесь Ким Чен Ын служит образцом того, как, имея на руках весьма скромные карты, можно сыграть ва-банк и банк этот сорвать.

Но блеф – опасная игровая тактика, рано или поздно наступит момент, когда в него перестанут верить. Политическая фортуна переменчива, особенно в условиях, когда все пошло вразнос повсеместно. В отношении КНДР возможны два сценария. Резонно предположить: если идеи чучхе выжили, когда фактически все были против них, то в нынешнем разное им и подавно светит дальнейшее существование. Только успевай менять тактику и обрящешь, глядя, как остальные вцепились друг другу в глотки. Но возможно и другое. В условиях передела мира, по-настоящему беспощадной схватки гигантов за влияние очень рискованно строить политику исключительно на кураже, участвовать в соревнованиях заведомо не своей весовой категории. Гамбургский счет обнажит подлинную состоятельность каждого из борцов. И тогда окажется, что Анна Файфилд права: рукопожатия и переговоры с Дональдом Трампом

действительно были кульминацией политической истории Северной Кореи и ее самого амбициозного лидера Ким Чен Ына.

Впрочем, она с удивлением пишет и следующее: «Через семь десятилетий после создания КНДР я не заметила трещин в фасаде коммунистической державы». Возможно, чучхе еще продолжит нас удивлять.

Федор Лукьянов,

главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»

*Что ж, я могу с улыбкой убивать,
Кричать: «Я рад!» – когда на сердце скорбь,
И увлажнять слезой притворной щеки,
И принимать любое выраженье.
Людей сгублю я больше, чем сирена,
И больше их убью, чем василиск;
Я стану речь держать, как мудрый Нестор,
Обманывать хитрее, чем Улисс,
И как Синон, возьму вторую Трою;
Игрою цветов сравнюсь с хамелеоном;
Быстрее Протея облики сменяя,
В коварстве превзойду Макиавелли.
Ужели так венец не получу?¹*

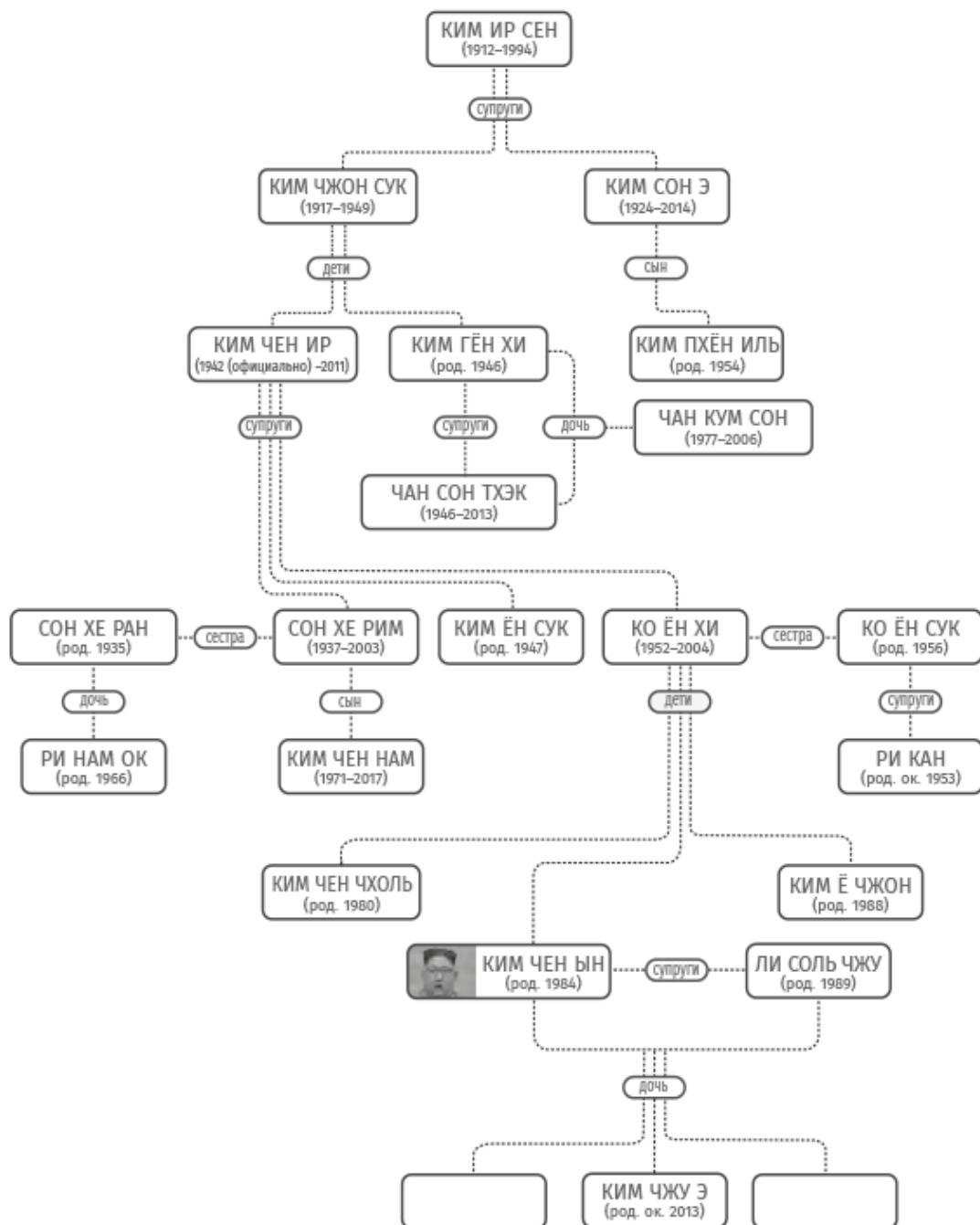
У. Шекспир. Генрих VI (часть III, акт III, сцена II)

---

¹ Пер. Е. Бируковой.

РОДОСЛОВИЕ
КИМ ЧЕН ЫНА

(избранные персоны)

От автора

Многие беглецы из Северной Кореи, упомянутые в этой книге, просили не называть их настоящих имен. Они боятся подставить под удар оставшихся в КНДР родных. В таких случаях я использую псевдонимы или не называю имен вовсе.

Для северокорейских имен и названий я применяю северокорейский вариант транслитерации: Ким Чен Ир, а не Ким Чониль, Ри, а не Ли и пр.

Пролог

Я сидела в самолете компании Air Koryo, рейс 152, в Пхеньян, в шестой раз в жизни собираясь в столицу Северной Кореи и впервые – после того, как власть в КНДР перешла к Ким Чен Ыну. На календаре было 28 августа 2014 г.

Для репортера поездка в Северную Корею – неизменно удивительный, завораживающий и обескураживающий опыт, но предстоящий визит сулил новый уровень сюрреализма.

Например, рядом со мной сидел Джон Андерсен, 140-килограммовый профессиональный рестлер из Сан-Франциско, известный под псевдонимом Крепыш и прославившийся использованием таких приемов, как небрейкер нырком и бросок гориллы.

Я оказалась в бизнес-классе рядом с Андерсеном (да, у авиакомпании коммунистического государства есть классы), потому что на мое место в экономклассе попросился пассажир, которому хотелось сидеть рядом с другом. Мы устроились в красных креслах немолодого «Ила», напоминавших белыми салфетками на подголовниках и золотистыми бархатными подушками мебель из бабушкиной гостиной.

Андерсен – один из трех американских рестлеров, которые, выйдя в тираж, всплыли в Японии, где благодаря своим габаритам обрели популярность, утраченную дома. В Японии у них были какая-никакая слава и доход. Но они не прекратили искать новых возможностей, и вот троица летит на небывалое шоу: первый в истории Пхеньянский международный турнир по рестлингу, фестиваль боевых искусств, организованный Антонио Иноки, японским рестлером с квадратной челюстью, который борется за мир на Земле.

Пока мы взлетаем, Андерсен рассказывает мне, что ему любопытно увидеть, какова Северная Корея на самом деле, а не в американских медийных стереотипах. У меня не хватает духу сказать, что его ждет балаган, не первое десятилетие работающий именно для того, чтобы ни один приезжий ни в коем случае не увидел, какова Северная Корея на самом деле, и что ему не встретить ни одного случайного человека и не попробовать обычной местной еды.

В следующий раз я увидела Андерсена в эластичных черных шортиках (кто-то сказал бы, что это трусы) с надписью «КРЕПЫШ» на зад. Он, красуясь, вышел перед 13 тысячами тщательно отобранных северокареюцев на арену пхеньянского Дворца спорта имени Чон Чжу Ёна, и динамики загрели: «Вот это крутой мужик!»

Без одежды он выглядел еще больше. Меня поразили его бицепсы и мышцы бедер: казалось, кожа у него вот-вот лопнет, как оболочка на сосиске. Могу только представить, как это зрелище потрясло карейцев, многие из которых пережили голод, унесший жизни сотен тысяч их сограждан.

Через несколько секунд на помост вышел еще более огромный рестлер, Боб Сэпп, в белой накидке с блестками и перьями. Одетый скорее для Марди Гра, чем для страны-изгоя.

«Рвать!» – завопил Андерсен, и они с Сэппом бросились на двух японских рестлеров куда более скромных габаритов.

Это было столь же экзотично и поразительно, как и все, что мне приходилось видеть в Северной Корее: американский фарс в стране с самой чудовищной на свете пропагандой. Зрители на трибунах, неплохо знакомые с показухой, довольно скоро сообразили, что происходящее на ринге тщательно срежиссировано и это больше спектакль, чем спорт. Поняв это, публика смеялась над кривлянием рестлеров.

А вот я никак не могла разобраться, что здесь понарошку, а что по-настоящему.

Минуло шесть лет с моего последнего приезда в эту страну. В тот раз я была здесь зимой 2008 г. с Нью-Йоркским филармоническим оркестром. Происходящее в той поездке показалось мне поворотным моментом в истории. Самый прославленный оркестр США играет в государстве, построенном на ненависти к Америке. Флаги двух стран, будто обрамление, стояли по

бокам сцены, на которой музыканты исполняли «Американца в Париже» Джорджа Гершвина. «Может быть, какой-нибудь композитор в свое время создаст музыку под названием "Американец в Пхеньяне"», – сказал дирижер Лорин Маазель корейцам, сидевшим в зале. Затем оркестр сыграл «Ариран» – горестную корейскую песню о разлуке, которая явно растрогала даже этих тщательно отобранных пхеньянцев.

Но поворота не случилось.

В том же году «любимый руководитель» Ким Чен Ир перенес тяжелый инсульт, едва не лишивший его жизни. С этого момента северокорейский режим заботило только одно: чтобы устояла династия Ким. За кулисами прорабатывались планы передать власть младшему сыну Ким Чен Ира, которому тогда было всего 24.

Внешнему миру о коронации Ким Чен Ына объявят лишь спустя два года. Когда это случилось, некоторые аналитики надеялись, что новый лидер окажется реформатором. В конце концов, он получил образование в Швейцарии, путешествовал по миру, познакомился с капиталистической системой. Разумеется, он попытается что-то из увиденного там принести в Северную Корею.

Подобными ожиданиями сопровождался приход к власти в Сирии в 2000 г. офтальмолога Башара Асада, стажировавшегося в Лондоне, надеялись и на наследного принца Саудовской Аравии Мухаммеда ибн Салмана, который посещал Кремниевую долину и, придя к власти в 2017 г., разрешил женщинам водить машины.

В случае с Ким Чен Ыном сначала тоже были основания для надежд, как думал, например, Джон Делури, эксперт-китаист из сеульского Университета Ёнсе. Джон пытался найти признаки того, что молодой руководитель принесет Северной Корее реформы и процветание, как в Китае это сделал в 1978 г. Дэн Сяопин.

Преобладали даже более смелые надежды – на крушение системы. От Сеула до далекого Вашингтона многие аналитики и официальные лица смело предсказывали – когда шепотом, а когда и во весь голос – народные волнения, массовый исход в Китай, военный переворот, неминуемый крах режима. За всеми этими апокалиптическими спекуляциями стояла одна общая мысль: разумеется, диктатура не сможет пережить передачу рычагов третьему поколению династии Ким, тем более если этому Киму 20 с небольшим, он учился в престижных европейских школах, фанатеет по «Чикаго буллз» – и не имеет, насколько известно, никакого военного или чиновнического опыта.

Виктор Чха, главный переговорщик с Северной Кореей в администрации Джорджа Буша – младшего, предсказывал на страницах *The New York Times*, что режим рухнет через несколько месяцев, если не недель.

Пожалуй, Чха был в своих прогнозах самым категоричным, но далеко не единственным, кто так думал. Большинство наблюдателей считали, что конец близок. Мало кто верил, что Ким Чен Ын способен удержать страну.

Я тоже в этом сомневалась. И не могла представить, чтобы Северной Кореей правило третье поколение Кимов. Я много лет следила за Северной Кореей издалека и вблизи. В 2004 г. газета *Financial Times* отправила меня в Сеул корреспондентом в обеих Кореях. И это стало началом долгой страсти.

За четыре года я побывала в Северной Корее десять раз, считая пять репортажных поездок в Пхеньян. Я посещала монументы Кимов, интервьюировала государственных чиновников, хозяйственников, университетских профессоров – неизменно в присутствии моих неотлучных контролеров. Они сопровождали меня, чтобы я вдруг не увидела такого, что поставит под сомнение тщательно выписанную для меня картинку.

Я постоянно выискивала проблески правды. Несмотря на все старания режима, нетрудно было заметить, что в стране разруха и все не так, как тебе показывают. Экономика едва дышала.

Страх был в каждом взгляде. А аплодисменты Ким Чен Иру, которые я слышала, стоя в каких-то 50 метрах от него на пхеньянском стадионе в 2005 г., казались фонограммой.

Эта система не могла дожить до третьего поколения.

Или могла?

Эксперты, что предсказывали радикальные реформы, ошиблись. Те, кто прогнозировал неминуемый крах системы, заблуждались. Ошиблась и я.

В 2014 г., после шестилетнего перерыва, я вернулась в Корею в роли корреспондента *The Washington Post*.

Через несколько месяцев после назначения и почти через три года после прихода к власти Ким Чен Ына я отправилась в Пхеньян освещать турнир по рестлингу. Так журналисты делают, чтобы получить визу в Северную Корею.

Я поразилась. Я знала, что в столице строительный бум, но даже не представляла его размаха. Казалось, в каждом втором квартале в центре города строится многоэтажный жилой дом или кинотеатр. Прежде увидеть на улице даже трактор было редкостью, но вдруг повсюду грузовики и краны, помогающие строителям в оливковой военной форме возводить здания. Раньше на улицах на меня никто даже не поднимал глаз, хотя иностранец был редкой птицей. Прохожие шли мимо, опустив глаза. Теперь атмосфера в городе стала легче. Люди лучше одеты, появились специальные площадки, где дети гоняют на роликах, и в целом нет былой напряженности. Жизнь в этом городе-витрине явно оставалась суровой: очереди на троллейбус-развалюху все так же длинные, по-прежнему всюду сгорбленные старушки, куда-то тащащие на плечах огромные тюки, по-прежнему ни одного толстяка. Даже просто упитанного. Ну кроме Единственного. И все же было видно всякому, что Пхеньян, город северокорейской элиты, которая обеспечивает Ким Чен Ыну власть, – не гибнет. Через семь десятилетий после создания КНДР я не заметила трещин в фасаде коммунистической державы. За эти годы мир видел появление и царствование многих жестоких тиранов, угнетавших народ ради личных интересов. Иосиф Сталин. Пол Пот. Иди Амин. Саддам Хусейн. Муаммар Каддафи. Фердинанд Маркос. Мобуту Сесе Секо. Мануэль Норьега. Среди них были доктринеры и клептократы. Многие – и то и другое. Были и случаи диктаторских династий. На Гаити «Папа Док» Дювалье передал власть сыну, «Бэби Доку», а сирийский президент Хафез Асад оставил пост сыну Башару. На Кубе Фидель Кастро устроил передачу власти брату Раулю. Но семья Ким необычна тем, как долго держит в своих руках страну. За годы правления Ким Ир Сена, первого вождя КНДР, в США сменились десять президентов, первым из которых был Гарри Трумэн, а последним – Билл Клинтон. В Японии – 21 премьер-министр. Ким Ир Сен почти на 20 лет пережил Мао Цзэдуна, на 40 – Сталина. Северная Корея уже просуществовала дольше, чем Советский Союз.

И мне хотелось узнать, каким образом этот молодой человек и унаследованный им режим держатся вопреки всему. Хотелось собрать всю информацию о Ким Чен Ыне, какую только можно будет найти.

В поисках ключей к этому самому загадочному из лидеров я решила поговорить с каждым, кто когда-либо его встречал. Неблагодарный способ: так мало людей с ним общалось и даже среди этих немногих лишь ничтожная часть провела в его обществе сколько-нибудь заметное время. Но я продолжала искать любые зацепки.

Нашла тетю и дядю Ким Чен Ына, которые были его опекунами, пока он учился в Швейцарии. Я отправилась в швейцарскую столицу Берн, надеясь что-то понять о поре формирования его личности, сидела возле дома, где он жил, гуляла вокруг школы.

В замызанной харчевенке в Японских Альпах я дважды обедала с Кендзи Фудзимото, оставшимся не у дел поваром, который готовил суши отцу Ким Чен Ына и стал будущему лидеру кем-то вроде товарища по играм. Я беседовала с людьми, которые сопровождали в

Северную Корею баскетболиста Денниса Родмана, и слышала от них рассказы о пьянстве и сомнительном поведении вождя.

Узнав, что старший единокровный брат Ким Чен Ына Ким Чен Нам убит в Куала-Лумпуре, я тут же вскочила в самолет и через несколько часов стояла на месте убийства. Я ждала у морга, куда увезли его тело, и наблюдала, как входят и выходят озабоченные северокорейские аппаратчики. Я отправилась к северокорейскому посольству и обнаружила, что, устав от репортеров, там просто свинтили звонок на воротах.

Я нашла кузину Ким Чен Нама, женщину, которая стала ему, по сути, сестрой и долгие годы поддерживала с ним связь после своего бегства из страны и его изгнания. Четверть века она жила под новым именем, совершенно другой жизнью.

Затем случился дипломатический ажиотаж 2018 г., и находить людей, встречавшихся с лидером Северной Кореи, вдруг стало проще.

Южнокорейцы с американцами организовали саммиты Ким Чен Ына, Мун Чжэ Ина и Дональда Трампа. Я встречалась с людьми, которые беседовали с Ким Чен Ыном в Пхеньяне, от южнокорейской певицы до немецкого спортивного функционера. Кортёж Ким Чен Ына промчался мимо меня в Сингапуре. Я старалась выбрать как можно больше информации из каждого рассказа об этом загадочном властителе. Я постоянно спрашивала дипломатов из миссии КНДР при ООН – светских людей, селившихся на острове Рузвельт-Айленд в Ист-Ривер, который иногда в шутку называют нью-йоркской социалистической республикой, – как бы мне взять интервью у Кима. Это была смелая просьба, но вовсе не безумная. В конце концов, Ким Ир Сен в 1994 г., незадолго до смерти, пригласил на обед группу иностранных журналистов. Поэтому всякий раз, когда мы встречались (неизменно за обедом в одном и том же ресторане в средней части Манхэттена, где эти дипломаты всегда заказывают филе-миньон за \$48, не обращая внимания на блюдо дня), я спрашивала. И всякий раз мне хохотали в лицо. А в последний раз – это было в середине 2018 г., через месяц после встречи Ким Чен Ына с Дональдом Трампом – лощеный дипломат, ответственный за американскую прессу, Ри Ён Пхиль, посмеявшись, ответил: «Мечтать не заказано». Вместо мечтаний я отправилась собирать сведения о реальной жизни за пределами бутафорской столицы, в те места, куда режим не позволял мне попасть. Я находила людей, которые знали Ким Чен Ына не лично, а из-за его политики, – граждан Северной Кореи, живших под его властью и сумевших от нее ускользнуть. За годы, что я пишу об этой стране, я познакомилась с множеством, может, даже не с одной сотней, людей, бежавших из государства Кимов. Их часто называют перебежчиками, но мне это слово не по нраву. Оно подразумевает, что, сбежав от тирании, эти люди совершили что-то недостойное. Я предпочитаю называть их беглецами или беженцами. Сейчас все труднее находить среди них тех, кто готов рассказывать. Отчасти потому, что при Ким Чен Ыне поток беженцев уменьшился до тоненькой струйки из-за ужесточения погранохраны и повышения уровня жизни внутри страны. А отчасти потому, что многие беженцы ждут за свои свидетельства платы, а это для меня этически недопустимо.

Тем не менее с помощью неформальных организаций, помогающих северянам бежать и устраиваться в Южной Корее, мне удалось встретиться с десятками людей, согласных говорить без денег. Это были люди разных занятий: чиновники и коммерсанты, весьма неплохо жившие в столице; жители приграничных областей, зарабатывавшие рыночной торговлей; бывшие заключенные, попавшие в кошмарные чучхейские тюрьмы за самые пустячные прегрешения. Среди этих людей встречались и те, кто верил, что новый молодой лидер принесет перемены к лучшему, и те, кто гордился, что Ким Чен Ын развернул ядерную программу, какой нет у богатых соседей Северной Кореи.

С кем-то я встречалась в Южной Корее, чаще всего – в пригородных барбекю-ресторанчиках, куда мои собеседники приходили после дневной работы. С другими мы беседовали на

берегах Меконга, где они ненадолго задержались в своем опасном путешествии – сидя на полу в номерах захудалых лаосских и тайских гостиниц.

Больше всех рисковали те, с кем я встречалась в Северном Китае. Китай считает беглецов из Северной Кореи экономическими мигрантами, а это значит, что если их схватят, то отправят обратно, где их ждет жестокое наказание. Но эти люди, скрываясь в снятых квартирах, не страшились делиться со мной своими историями.

Сотни часов интервью, записанных на территории восьми стран, помогли мне собрать пазл под названием «Ким Чен Ын».

Картина, сложившаяся у меня, не сулит ничего хорошего тем 25 миллионам, что по-прежнему заперты в границах Северной Кореи.

Часть первая Ученичество

Глава 1 Начало

*Великолепный товарищ Ким Чен Ын, спустившийся с небес и
зачатый горой Пэктусан.
«Нодон син.мун», 20 декабря 2011 г.*

Вонсан – это рай на Земле. Или по крайней мере рай в Северной Корее. В стране скалистых гор, каменистых почв, сибирских морозов и бурных паводков окрестности Вонсана, города на восточном побережье, – одно из немногих мест, где природа милостива: белые песчаные пляжи, закрытые бухты с россыпями небольших островов. Именно здесь проводит лето 0,1 % жителей Северной Кореи. Это их Мартас-Винъярд, их Монте-Карло. Они купаются в море или нежатся в бассейнах на своих виллах у края прибоя. Высасывают нежнейшее мясо из клешней драгоценного местного мохнаторукого краба и выскребают из панциря его жирную икру. Ездят на расположенное поблизости озеро Сиджун, где ванны с горячей грязью, как считается, снимают усталость и разглаживают морщины, так что утомленный пожилой функционер чувствует себя чудесным образом обновленным. Эти места в особом фаворе у элиты элит – семьи Ким, что более 70 лет правит Северной Кореей. Именно здесь сошел на берег молодой борец с империализмом, известный под именем Ким Ир Сен, вернувшись на родину в 1945 г., когда японцы потерпели поражение во Второй мировой войне и их изгнали с Корейского полуострова. Здесь прятали четырехлетнего Ким Чен Ира, пока его отец лавировал, выдвигаясь в лидеры только что созданного государства Северная Корея. Эту часть полуострова опекали коммунистические Китай и Советский Союз, а южную половину поддерживали демократические США.

И здесь мальчик по имени Ким Чен Ын проводил долгие блаженные дни лета, резвясь на пляжах и прыгая по волнам на «банане».

Ко дню его появления на свет, 8 января 1984 г. – года, который в свободном мире после романа Джорджа Оруэлла навсегда ассоциируется с угнетением и тиранией, – дед Ким Чен Ына уже 36 лет правил Северной Кореей. Он был Великим Лидером, Солнцем Нации и Железным Всепобеждающим Полководцем Ким Ир Сеном.

Отцу мальчика, чудаковатому коротышке, безумно любящему кино, почти исполнилось 42; он готовился официально унаследовать государство и подарить ему сомнительную честь стать первой в мире коммунистической династией. Ему предстояло стать Любимым Руководителем, Прославленным Полководцем, Сошедшим с Небес, и Путеводной Звездой XXI в.

Бывать в Вонсане любили оба. Как и тот несмышленный малыш, которому предстояло однажды пойти по их стопам.

В детстве каждое лето его увозили на восток из Пхеньяна или далеко на восток из школы в Швейцарии – на каникулы в Вонсан. Много позже, когда он захочет похвастать этим лунапарком для одного, он пригласит сюда эксцентричного американского баскетболиста – походы на яхте и веселье, веселье без конца. Еще позже своенравный девелопер, выбившийся в президенты Америки, высоко оценит «отличные пляжи» Вонсана и заметит, что это идеальное место для строительства жилых комплексов.

Природными красотами Вонсана режим Кимов делился со специально отобранными чужаками, чтобы распространять миф о Северной Корее как о «социалистическом рае». Сам город не назовешь особенно красивым. Во время Корейской войны непрерывные американские бомбардировки разрушили Вонсан до основания, а отстроили его в унылом советском стиле. Красные транспаранты, провозглашающие «Да здравствует Великий Лидер Товарищ Ким Ир Сен!», и билборды, рекламирующие тоталитаризм населению, у которого других вариантов нет, установлены на крышах серых бетонных коробок в центре. Главной достопримечательностью всегда были белоснежные пляжи Сондовона. В 1980-х гг., когда Ким Чен Ына стали сюда привозить, Вонсан был местом, куда по разным случаям съезжались коммунистические функционеры. А в здешний детский лагерь в 1985 г. приезжали школьники из Советского Союза и ГДР, и государственные медиа публиковали фотографии счастливых детишек, слетающих со всего света на каникулы в Вонсан².

Действительность – даже тогда, в 1980-е гг., когда СССР еще существовал и подпирал своего азиатского сателлита, – была совершенно иной. В 1983 г. инженер-агроном из Японии Ли Ю Хон, этнический кореец, приехав в Вонсан преподавать в сельскохозяйственном техникуме, увидел группу девушек, занятых изучением знаменитого дерева – так называемой золотой сосны. Ли решил, что это школьницы на экскурсии. Оказалось, что это студентки техникума – от плохого питания они выглядели на несколько лет моложе³.

На следующий год, приехав на пляж полюбоваться цветением знаменитого вонсанского шиповника, он не нашел ни одного цветка. Прохожий сообщил ему, что местные дети от голода оборвали все цветы, чтобы съесть завязи. Ли не увидел ни современных аграрных технологий, ни механизированных хозяйств, о которых любило вещать правительство КНДР и его эмиссары. Вместо этого он увидел, как тысячи крестьян вручную собирают рис и злаки⁴.

Но режиму нужно было насаждать миф. В 1984 г. в Южной Корее случились опустошительные наводнения, и тогда Север послал соседям продовольственную помощь, и корабли уходили из Вонсана, который лежит всего лишь в 130 километрах от демилитаризованной зоны, полосы ничьей земли шириной четыре километра, разделившей полуостров пополам в 1953 г. по окончании Корейской войны. Через восемь месяцев после рождения Ким Чен Ына, несмотря на то что обычные граждане КНДР страдали от острой нехватки продовольствия, из Вонсана повезли тюки, маркированные надписями «Гуманитарная помощь жертвам наводнения в Южной Корее» и символом северокорейского Красного Креста. «Это первое счастливое событие в 40-летней истории нашего разделения, и потому порт кипел энтузиазмом, – писала газета "Нодон синмун", рупор Трудовой партии Кореи. – Со всех причалов раздавались напутственные голоса... любовь к семье переполняла людей».

Конечно, Ким Чен Ын об этом не знал. Он рос в безмятежном уединении правительственного особняка в Пхеньяне или вонсанской приморской резиденции, столь обширной, что дети передвигались по ней на электрических гольфмобилях⁵.

В 1990-х гг., когда северокорейские дети с голоду объедали цветы, Ким Чен Ын лакомился суши и любил кино в жанре экшен. Увлекался баскетболом, летал в Париж – побывать в Евродиснейленде.

Он жил за кулисами самого засекреченного государства в мире до 2009 г., когда ему сравнялось 25. Тогда его официально представили правящей верхушке как наследника Ким Чен Ира. По этому случаю сделали памятное фото в Вонсане, которое показали по государствен-

² *Korean Pictorial*, январь 1986 г.

³ Lee U Hong, *Angu na kyowakoku: Kita Chosen kogyo no kikai* (Tokyo: Aki shobo, 1990), 20.

⁴ Описания семян и агротехнических методов из: Lee, 32, 118, 168.

⁵ Yi Han-yong, *Taedong River Royal Family: My 14 Years Incognito in Seoul* (Seoul: Dong-a Ilbo, 1996).

ному телевидению лишь раз или два. Фото нечеткое: на нем Ким Чен Ын в черном френче стоит под деревом в компании отца, брата, сестры и еще двух мужчин.

Вонсан и впредь оставался для Ким Чен Ына необычайно важным местом. Став вождем, он распорядился (вероятно, чтобы вспоминать беззаботные дни детства) построить там огромный парк развлечений. Теперь в городе есть аквариум с подводным тоннелем, зеркальный павильон в ярмарочном стиле и аквапарк Сондовон – обширный комплекс открытых и крытых бассейнов. Спиральная водная горка изливается в каскад круглых бассейнов. Социалистический рай, обновленный в стилистике эпохи Диснейлендов.

Ким Чен Ын лично инспектировал строительство вскоре после того, как стал в конце 2011 г. «Любимым и Уважаемым Верховным Руководителем». В летней белой рубашке, на груди – красный значок с портретами отца и деда; склонившись над водяной горкой, он заглянул поглубже в желоб. Широко улыбнулся и объявил: «очень доволен», что КНДР сумела построить аквапарк своими силами.

С высоких прыжковых вышек детям видны яркие зонтики на пляжах и водные велосипеды на волнах бухты. Летом в Вонсане «постоянно видишь школьников, стоящих на пляже с яркими надувными кругами на плечах, смеющихся дедушек с внуками и внучками, за ручку подпрыгивающих у края прибоя», рапортовала государственная пресса. Эти аттракционы – для рабочего класса. У монаршей семьи есть свои. В огромном дворцовом комплексе клана Ким построены прибрежные резиденции для членов семьи и просторные гостевые дома, достаточно удаленные друг от друга и окруженные деревьями для приватности. Даже среди правящей верхушки конфиденциальность важна. На территории есть большой крытый бассейн, и еще несколько бассейнов устроены на баржах в море, что позволяет Кимам плавать в волнах, не подвергаясь опасности. В крытом доке стоят принадлежащие им яхты и больше десятка гидроциклов. Есть во дворце баскетбольная и вертолетная площадки. А неподалеку – новый аэродром, так что Ким Чен Ын может прилетать на курорт на своем личном самолете. Этот парк развлечений семейство Ким делит с другими партократами, обеспечивающими устойчивость режима. Здесь находится летний морской курорт, принадлежащий Министерству государственной безопасности – безжалостной тайной полиции, ведающей концлагерями для политзаключенных. Есть санаторий и у 39-го отдела, ведомства, которое занимается сбором денег исключительно в семейную казну Кимов. Поскольку строительство этой игровой площадки профинансировано усилиями Отдела, вполне справедливо, что он пользуется ее возможностями⁶.

Уникальная особенность побережья в Вонсане (пока не замеченная ни в одном из западных Диснейлендов, которые обходятся куда более скромными фейерверками) – ракетные старты. С тех пор как он стал вождем, Ким Чен Ын запустил отсюда десятки ракет и регулярно проводил здесь масштабные артиллерийские учения. Однажды его военные огнем 300-миллиметровых орудий стерли с лица земли остров невдалеке от пляжа. В другой раз Ким Чен Ыну даже не пришлось покидать своего уютного дворца. Ракету на мобильной пусковой установке привезли на участок напротив резиденции, и Ким, сидя за письменным столом, с широкой улыбкой наблюдал в окно, как ракета оторвалась от земли и ушла в небо, взяв курс на Японию. И здесь же, на своем частном пляже, Ким Чен Ын устроил в 2014 г. состязания по плаванию для высшего командования ВМФ. Адмиралы, которые выглядели пенсионерами, снимали белые кителя и фуражки, переодевались в плавки и бросались в волны, чтобы проплыть пять километров, будто они «на войне без выстрелов». Незаурядное зрелище. Новый лидер, которому едва исполнилось 30, сидит за письменным столом на пляже и смотрит в бинокль, как люди в два раза старше его и в два раза меньше по габаритам барахтаются в волнах по его приказу.

⁶ Ju-min Park and James Pearson, "In Kim Jong Un's Summer Retreat, Fun Meets Guns," Reuters, October 10, 2017.

Человек без всякой военной подготовки и опыта показал им, кто здесь командует. И удобнее всего это сделать было на своей территории, в Вонсане.

История правления Кимов в Северной Корее начинается в 1930-х гг., когда в северо-китайской области Манчжурия пошла слава о партизанском командире, герое антияпонского сопротивления Ким Ир Сене.

Ким Сон Чжу, так его звали сначала, родился на окраине Пхеньяна 15 апреля 1912 г., в тот самый день, когда «Титаник» налетел на айсберг. В то время Пхеньян был центром христианства и назывался азиатским Иерусалимом. Сон Чжу рос в протестантской семье, один из его дедов был пастором.

За два года до рождения Сон Чжу еще единую Корею аннексировала имперская Япония. Началось страшное время оккупации, и в 1920-х гг. семья Кима бежала в Манчжурию. Там сформировался центр корейского сопротивления, и Ким, взявший псевдоним Ир Сен, то есть Восходящее Солнце, в начале 1930-х гг. активно пробивался в лидеры партизанской войны.

В мемуарах Ким Чен Ир высокопарно говорил об антияпонском сопротивлении. «Враг объявлял нас "каплей в океане", – пишет он, – но за нами был океан неистощимой мощи – народ. Мы смогли одолеть сильного, вооруженного до зубов врага... потому что у нас была могучая цитадель под названием "народ" и безбрежный океан под названием "массы"»⁷.

В официальной истории Северной Кореи подвиги Кима преувеличиваются. Утверждается, что он был душой сопротивления еще в те годы, когда над ним стояли китайские и корейские командиры, и что без него бы все партизанское движение рухнуло. Хотя он был в сопротивлении одним из многих, Ким ставил себе в заслугу даже поражение Японии во Второй мировой войне. Из Манчжурии, в противоположность официальной версии событий, Ким Ир Сен с женщиной, ставшей его женой, по крайней мере гражданской, отбыл в СССР. Ким Чен Сук познакомилась с Ким Ир Сеном в 1935 г., ей было предположительно 15 лет, и она работала швеей. На советском Дальнем Востоке, в войсковой части под Хабаровском, в 1942 г. (хотя и здесь официальная версия утверждает, что это был 1941 г.) у них родился первый ребенок, Ким Чен Ир. В 1945 г. война на Тихоокеанском театре закончилась, Корею освободили от японских захватчиков, но судьба полуострова еще не была решена. Почти 14 веков на нем существовало единое государство, но победители в войне, США и СССР, договорились поделить страну – не потрудившись спросить у корейцев, чего те хотят. Молодой полковник американской армии по имени Дин Раск, который позже станет госсекретарем США, и другой офицер, будущий генерал Чарльз Боунстил, взяли географический атлас и провели прямую линию поперек полуострова вдоль 38-й параллели – временное решение, предполагавшее, что американцы будут контролировать южную часть страны, а Советский Союз позаботится о северной. Москва, к их удивлению, согласилась. Это «временное» решение оказалось долговечнее, чем Раск и Боунстил рассчитывали. Деление полуострова привело к созданию демилитаризованной зоны после кровавой Корейской войны 1950–1953 гг. Зона просуществовала 60 лет – и существует поныне. СССР понадобился правитель для нового марионеточного государства, занявшего гористую территорию площадью около 120 500 кв. км. Это приблизительно площадь штата Миссисипи, чуть меньше Англии. Ким Ир Сен хотел занять этот пост. Пока жил в Хабаровске, он достаточно зарекомендовал себя перед советскими покровителями, чтобы получить какую-то роль в новом государстве. Но советские товарищи не видели его в роли правителя Северной Кореи. Амбиции Кима их настораживали. Сталин не хотел, чтобы Ким собрал вокруг себя силу, независимую от советской оккупационной администрации⁸. Поэтому Ким Ир Сена, вернувшегося в Корею в советской военной форме на корабле «Пугачев», бро-

⁷ Kim Il Sung, *With the Century*, vol. 2 (Pyongyang: Foreign Languages Publishing House, 1992), 54.

⁸ Подробности планов Сталина в отношении Ким Ир Сена и Чо Ман Сика, сведения о банкетях Ким Ир Сена взяты из: Blaine Harden, *The Great Leader and the Fighter Pilot* (New York: Penguin Books, 2015), 64–66.

сившем якорь в Вонсане 19 сентября 1945 г., встречали без особой помпы. Ему даже не позволили присоединиться к советским частям, которые, выбив последних японских оккупантов, победно вступили в Пхеньян.

Москва видела во главе своего марионеточного государства националиста Чо Ман Сика, 62-летнего новообращенного пресвитерианца, главу ненасильственного реформистского движения, вдохновленного идеями Махатмы Ганди и Льва Толстого. Он не был идеальным кандидатом (Советы подозревали его в связях с японцами), но он видел путь к будущему процветанию страны в развитии экономики и образования⁹.

Ким Ир Сен мириться с этим не желал. Он начал борьбу за пост главы нового государства, и эта борьба среди прочего состояла в устройении для советских товарищей банкетов с обильными возлияниями и в поставке проституток.

Это помогло ему завоевать некоторое расположение советских генералов. Меньше чем через месяц после возвращения Ким Ир Сен уже выступал на митинге в Пхеньяне, где произнес речь, написанную для него советскими функционерами. Его выход на трибуну сопровождался выкриками «Да здравствует командир Ким Ир Сен!». Молва приписывала ему лавры выдающегося командира сопротивления, совершившего в Манчжурии героические подвиги.

Но человек на трибуне не соответствовал представлениям слушателей. Они ожидали увидеть седовласого ветерана, харизматичного лидера. Вместо этого на трибуну вышел парень, выглядевший много моложе своих 33, и синий френч на нем был на размер меньше – явно с чужого плеча.

Дело усугублялось тем, что проводивший 26 лет вдали от родины Ким небезупречно владел корейским языком. То небольшое образование, что у него было, он получил на китайском и с трудом продирался сквозь сочиненный советскими товарищами напыщенный текст, полный коммунистической терминологии и неуклюже переведенный на корейский. Он окончательно дискредитировал себя тем, что его голос звучал, как об этом позже напишет секретарь Чо Ман Сика, «будто утиное кряканье»¹⁰. Один из наблюдателей отметил, что у Ким Ир Сена была «прическа как у официанта-китайца» и что он выглядел как «пухлый разносчик из китайской харчевни на углу». Другие называли его мошенником и советской марионеткой¹¹. Ким Ир Сен оказался мыльным пузырем.

Однако удача ему улыбнулась: Сталин понял, что пацифист Чо не коммунист и не пойдет на уступки. Чо выдвигал неудобные требования, намереваясь управлять Северной Кореей независимо от Москвы. Внезапно посредственный Ким Ир Сен показался удобным и покладистым кандидатом. Чо вскоре арестовали, и он исчез, а Москва поставила своим наместником молодого и рьяного Кима. Его повышали раз за разом, пока советская оккупация не прекратилась официально: 9 сентября 1948 г. было провозглашено создание КНДР, и Ким Ир Сен стал ее первым лицом.

Не успел он занять кресло, как развернул культ собственной личности столь всепроникающий, что вскоре даже Сталин выглядел дилетантом. Не прошло и года, а Ким уже носил титул «Великий Лидер». Появились его статуи, а историю принялись переписывать. Провальную речь 1945 г. в официальных биографиях подавали как потрясшее всех выступление. Слушатели «не могли оторвать глаз от [этого] пламенного оратора» и криками выражали «бескрайнюю любовь и уважение к своему великому вождю»¹². Ким Ир Сен поспешил учредить Корейскую Народную Армию под командованием его товарищей по антияпонскому сопротив-

⁹ О возвращении Ким Ир Сена в Северную Корею и о мнении о нем советского руководства взято из: Bradley K. Martin, *Under the Loving Care of the Fatherly Leader: North Korea and the Kim Dynasty* (New York: Griffin, 2006), 46–52.

¹⁰ Подробности о впечатлениях от Ким Ир Сена на митинге взяты из: Harden, 67.

¹¹ Martin, *Under the Loving Care*, 52–53; Andrei Lankov, *The Real North Korea: Life and Politics in the Failed Stalinist Utopia* (Oxford: Oxford University Press, 2014), 6.

¹² Baik Bong, *Kim Il Sung*, vol. 2 (Tokyo: Miraisha Publishing, 1970), 55–56.

лению. Он разработал план захвата Южной Кореи и в марте 1949 г. в Москве пытался убедить Сталина поддержать военное вторжение, которое объединит страну. Сталин отказал – он не собирался развязывать войну против обладавшей ядерным оружием Америки – и сказал Киму, что разрешает северянам лишь отвечать в случае нападения. Но Ким и его генералы с завистью наблюдали, как в конце того же года китайские коммунисты изгоняли из страны лидера националистов Чана Кайши и его Гоминьдан. Ким непрерывно донимал Сталина планами похода на юг, особенно после того, как США вывели с полуострова свою боевую группировку, тем самым оставив его южную часть без защиты.

Через год после первого разговора о вторжении в Южную Корею Сталин наконец дрогнул и дал принципиальное согласие – при условии, если не будет против Мао Цзэдун. В мае 1950 г. Ким отправился в Пекин убеждать Мао, но Председателя больше заботили чанкайшисты на Тайване. Он изменил позицию лишь после того, как на него надавил Сталин¹³. Ким Ир Сен не упустил своего шанса. Ранним утром 25 июня 1950 г. Народная Армия Северной Кореи двинула на юг через демилитаризованную зону 150 советских танков Т-34. Семь дивизий наступали на Сеул, а за ними шли соединения пехоты.

Северяне захватили всю страну, кроме участка вокруг южного порта Пусан. Казалось, победа будет легкой.

Генерала Дугласа Макартура, командующего американским контингентом в Японии, удар северян застал врасплох, но он отреагировал немедленно. В сентябре его солдаты высадились на топких берегах Инчхона, западнее Сеула, и отбросили армию северян назад. Китай, увидев, что операция идет не по плану, послал на помощь Киму войска.

Через шесть месяцев армия Севера стояла там же, откуда двинулась в поход, – на 38-й параллели. Следующие два с половиной года соперники стояли на этом рубеже, ни одна из сторон не могла продвинуться вперед.

Нельзя сказать, что США не пытались выбраться из тупика. Спустя всего пять лет после чудовищного опустошения Хиросимы и Нагасаки Макартур вполне серьезно предлагал сбросить на КНДР атомную бомбу.

Ядерный вариант быстро отвергли. США перешли к тактике выжженной земли, сбросив на северную половину Корейского полуострова 635 000 тонн обычных авиабомб, тогда как за всю Вторую мировую войну на Тихоокеанском театре они сбросили на врага 503 000 тонн¹⁴. На Пхеньян было сброшено 200 000 бомб – по одной на каждого горожанина. Кёртис Лемэй, командующий стратегическими силами ВВС США, заявлял, что его пилоты «сожгли в Северной Корее каждый дом». Разбомбив все цели в городах, американские ВВС разрушили ирригационные и гидроэнергетические плотины, затопив сельскохозяйственные угодья и уничтожив урожай. Командование ВВС жаловалось, что у него больше не осталось целей¹⁵.

После войны советские специалисты установили, что полностью уничтожено 85 % всей инфраструктуры Северной Кореи. По подсчетам историков, почти 3 млн человек – 10 % населения полуострова – погибли, пропали без вести или получили ранения. Лемэй оценивал безвозвратные потери северян в 2 млн¹⁶. В боях погибли около 37 000 американских военнослужащих. После такого опустошения и запоздалого понимания, что ни Север под покровительством СССР и КНР, ни поддерживаемый Соединенными Штатами Юг не смогут одержать решительной победы, воюющие стороны договорились о перемирии. 27 июля 1953 г. боевые действия прекратились. Но, поскольку мирный договор так и не был подписан, формально война не завершена. Режим Ким Ир Сена утверждал, что конфликт начался с вторжения южан

¹³ Martin, *Under the Loving Care*, 67.

¹⁴ Bruce Cumings, *The Korean War: A History* (New York: Modern Library Edition, 2010), 152.

¹⁵ Blaine Harden, "The US War Crime North Korea Won't Forget," *The Washington Post*, March 24, 2015.

¹⁶ *Strategic Air Warfare: An Interview with Generals Curtis E. LeMay, Leon W. Johnson, David A. Burchinal, and Jack J. Catton*, edited and with an introduction by Richard H. Kohn and Joseph P. Harahan (Office of Air Force History, US Air Force, 1988), 88.

при помощи американских союзников, и эту ложь в КНДР распространяют по сей день. Себя режим объявляет победителем. В Северной Корее этот конфликт до сих пор называют Победоносной войной за освобождение Отечества. В Пхеньяне есть музеи, где бережно хранятся обломки сбитых американских самолетов. Таким образом власть старается сохранять память о той жестокой войне, держать население в постоянной тревоге и побуждать людей к сплочению вокруг династии Ким. После войны Ким Ир Сен укрепил свое верховенство в разрушенной стране, взявшись надзирать за масштабной программой восстановления, которую финансировали союзники КНДР. Кроме того, он провел «чистку» среди военных и партийных начальников, возложив на них вину за имущественный ущерб и человеческие потери, и тем самым задавил оппозиционные группировки. Пропагандисты из всех сил старались раздуть восторг вокруг его личности. Советские аппаратчики, сами не понаслышке знакомые с культом личности, стали выказывать озабоченность теми способами, которыми Ким Ир Сен заставлял народ Северной Кореи себя почитать. В телеграмме, датированной 1955 г., работающие в Северной Корее советские чиновники отмечают, что среди высших функционеров Трудовой партии царит «нездоровая атмосфера лести и заискивания перед Ким Ир Сеном»¹⁷. К этому времени даже в Советском Союзе от такого вождизма отходили. Сталин умер, а Хрущев произнес секретную речь, осуждающую культ личности своего предшественника.

Новый лидер Северной Кореи также решил показать, что не будет ни китайской, ни советской марионеткой. Он стал изображать себя великим мыслителем, идущим во главе независимой нации, не принадлежащей ничьему лагерю¹⁸.

Он создал туманную доктрину *чучхе*, что обычно переводится как *самодостаточность*.

Ее главная идея – полная самостоятельность Северной Кореи, и все достижения страны – плоды трудов «самой нации», что решительно игнорировало прямую зависимость государства от его коммунистических покровителей. Впрочем, в некоторых аспектах Северная Корея достигла определенного уровня автаркии, выработав относительно независимую внешнюю и военную политику.

В 1970-е гг. доктрина чучхе была закреплена конституцией как государственная политика. Ученый Брайан Майерс, говоря о безосновательности этого учения, любит напоминать, что в северокорейской энциклопедии статья о Башне Чучхе, монументе в Пхеньяне, в два раза длиннее, чем статья о самой идеологии.

До середины 1970-х гг. экономика Северной Кореи была мощнее, чем у южного соседа. Отчасти из-за того, что все природные ресурсы полуострова находятся на севере и Ким Ир Сenu нужно было только восстановить тяжелую промышленность и горнодобывающий сектор, созданные еще японскими колонизаторами. Кроме того, свое марионеточное государство снабжал и Советский Союз, и Ким Ир Сен пользовался социалистическими методами привлечения рабочей силы. Южной Корее после войны пришлось начинать с нуля.

Ким Ир Сен, которому шел седьмой десяток, стал задумываться о своем наследнике и о том, как обеспечить продолжение основанной им тирании. В СССР и КНР новых лидеров производил партийный аппарат, но Ким Ир Сен хотел сохранить властную функцию за своей семьей. Сначала он подумывал передать корону младшему брату, но затем, к огорчению многих, выбрал в преемники старшего сына.

Впрочем, для начала нужно было кое-что подправить в системе. В северокорейском словаре политических терминов 1970 г. утверждалось, что передача власти по наследству – это «реакционный обычай эксплуататорских обществ». Из последующих изданий это определение

¹⁷ Запись разговора с Илларионом Дмитриевичем Паком, председателем Народного комитета провинции Чагандо, 13 апреля 1955 г., History and Public Policy Program Digital Archive, РГАНИ фонд 5, опись 28, дело 314. Перевод для NKIDP Гэри Голдбергa. <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/116308>.

¹⁸ Suh Dae-sook, *Kim Il Sung: The North Korean Leader* (New York: Columbia University Press, 1988), 302.

без лишнего шума изъяли¹⁹. Государственная пресса стала упоминать некий «центр партии», таким способом косвенно обозначая деятельность Ким Чен Ира без упоминания его имени, а сам он стал двигаться вверх по иерархии Трудовой партии. Союзники КНДР довольно скоро поняли замысел Ким Ир Сена. В 1974 г. посол ГДР телеграфировал из Пхеньяна в свое Министерство иностранных дел, что на проходящих по всей стране митингах Трудовой партии от граждан требуют «клясться в верности Ким Чен Иру» на случай, если «с Ким Ир Сеном случится что-то серьезное». В государственных организациях на стенах стали появляться портреты Ким Чен Ира, а также его цитаты на тему объединения или социалистического строительства, писал посол. В официальной печати Ким Ир Сена принялись подавать в образе заботливого отца. Фотографии и живописные полотна изображали его изливающим нежность на счастливых граждан или смеющимся вместе с детьми. Этот образ доброго монарха вернется спустя примерно пять десятков лет, когда Ким Чен Ын по рецептам деда примерит на себя роль улыбающегося диктатора. Пресса стала много говорить о первой жене Ким Ир Сена и его старшем сыне – получилась эдакая северокорейская святая троица. На некоторых фотоснимках Ким Чен Ир инструктировал пропагандистов и кинорежиссеров. «Он уже демонстрирует позу, которую обычно принимает в беседах с населением Ким Ир Сен, – сообщал посол. – Фактически это наблюдение подтверждает наши недавние предположения: старшего сына Ким Ир Сена планомерно готовят в преемники власти»²⁰. Официально об этом было объявлено в 1980 г. на VI съезде Трудовой партии в Пхеньяне. Младший Ким занял высшие посты сразу в трех главных органах партии – президиуме Политбюро, Центральной военной комиссии и секретариате. Только Ким Ир Сен и Ким Чен Ир совмещали руководство тремя главными структурами партии²¹.

Представляя Ким Чен Ира как избранного преемника, Ким Ир Сен сказал, что его сын – гарантия того, что революционная повестка «продолжится в следующих поколениях».

Ким Чен Ир сосредотачивал в своих руках все больше внутрипартийной власти и сопровождал отца в поездках по стране для «руководства на местах»: типичная практика режима, когда доброжелательные и всезнающие руководители страны приезжают без предупреждения и рассказывают крестьянам, как тем лучше возделывать посевы, или директорам заводов – как варить сталь. На фотографиях видно, как получатели этих знаний исправно записывают все услышанное в блокноты.

В 1983 г. Ким Ир Сен совершил первый, как считается, самостоятельный заграничный визит – это была поездка на заводы стремительно развивающегося Китая. Этот визит, один из немногих совершенных Дорогим Лидером за годы пребывания у власти, состоялся усилиями Пекина, старавшегося мотивировать Северную Корею встать на путь экономических преобразований без демократизации – по китайскому образцу.

«Через неустанную революционную деятельность на протяжении более 30 лет он принес нам новую эру процветания» – гласит официальная биография Ким Чен Ира, изданная в Северной Корее вскоре после того, как он стал вождем²². Несходство замкнутого Ким Чен Ира с его общительным отцом было разительным. Ким Ир Сена героизировали как бесстрашного воина-партизана, возглавлявшего борьбу против японских империалистов. У Ким Чен Ира не было никакого военного опыта. Он был любителем кино, пьяницей и плеейбоем с высокой прической, чьим главным вкладом в народное хозяйство были снятые им фильмы.

¹⁹ Don Oberdorfer, *The Two Koreas: A Contemporary History* (New York: Little, Brown and Company, 1998), 347.

²⁰ "GDR Ambassador Pyongyang to Ministry for Foreign Affairs, Berlin," April 14, 1975, History and Public Policy Program Digital Archive, Political Archive of the Foreign Office, Ministry of Foreign Affairs (PA AA, MfAA), C 6862.

²¹ Kim Hakjoo, *Dynasty: The Hereditary Succession Politics of North Korea* (Stanford, CA: Shorenstein Asia-Pacific Research Center, 2017), 87.

²² Kim Jong Il, *Brief History* (Pyongyang: Foreign Languages Publishing House, 1998).

Тем не менее в 1991 г. его объявили Главнокомандующим Корейской народной армией. Момент вряд ли можно назвать подходящим для укрепления династии. Рухнула Берлинская стена. Через два дня после этого назначения распался Советский Союз. Коммунистического блока, который и экономически, и идеологически поддерживал северокорейский режим, больше не существовало. Чтобы в этих сложных обстоятельствах поддержать решение о наследовании власти, режим запустил фантастическую историю происхождения Ким Чен Ира, густо замешенную на корейской и христианской мифологии. Он становится вождем не только потому, что так решил его отец, но и по некоему божественному праву. Местом его рождения приказали считать не партизанский лагерь под Хабаровском, а вулкан Пэктусан, расположенный на границе с Китаем и имеющий в корейской культуре легендарный статус. Считается, что там родился Тангун, сын божества и женщины, которая раньше была медведицей, прародитель корейцев. Тангун даровал корейцам небесное происхождение, и в контексте этого сюжета Ким Чен Ир как бы тоже сходил с небес.

На этом пропагандистский аппарат не остановился. Утверждалось, что Ким Чен Ир родился в лесной хижине, а в момент его рождения в небе сияла единственная яркая звезда. Остался шаг до того, чтобы хижину превратить в ясли, а роженицу объявить Девой. Для вящей торжественности добавили двойную радугу, внезапно поднявшуюся над вершиной горы. Так родился миф о священной родословной. Два предшествующих десятилетия Ким Чен Ир всю жизнь старался не дать драгоценной крови пресечься. Он собрал целый сонм жен, любовниц и детей. В 1966 г. Ким Чен Ир женился на выбранной для него отцом девушке с подобающей революционной родословной. В 1968 г. у них, как сообщалось, родилась дочь. Но брак оказался скоротечным: в 1969 г. супруги развелись. Первая жена Ким Чен Ира долгое время занимала высокое положение в обществе, прослужив 15 лет в Верховном народном собрании, а затем почти 20 – директором техникума, застав на этом посту эпоху Ким Чен Ына. После развода Ким Чен Ир сошелся со знаменитой актрисой по имени Сон Хе Рим, которую встретил на съемках своего фильма. Сон Хе Рим была старше Ким Чен Ира, состояла в браке и имела по меньшей мере одного ребенка, но Ким настоял, чтобы она развелась и ушла к нему. Он поселил Сон Хе Рим в одном из своих пхеньянских дворцов, и в 1971 г. она родила мальчика, Ким Чен Нама. Ким Чен Ир был на седьмом небе от счастья. В консервативном конфуцианском корейском обществе мальчиков ценят как продолжателей рода и фамилии. До 1975 г. и саму связь Ким Чен Ира с актрисой, и ее плод скрывали от Ким Ира Сена. Когда ребенку, Ким Чен Наму, только исполнилось три года, Великий Лидер велел Ким Чен Иру снова жениться. Тот не мог рассказать отцу о любовнице и ребенке, подчинился его воле и вступил в брак с женщиной, которая и считалась его единственной «официальной» женой. В этом браке у Ким Чен Ира родились две дочери.

Вскоре после этого внимание Ким Чен Ира привлекла прекрасная юная танцовщица Ко Ён Хи, кореянка родом из Японии. Ко Ён Хи родила от Ким Чен Ира троих детей: в 1981 г. и 1984 г. соответственно сыновей Чен Чхоля и Чен Ына, а в 1988 г. – дочь Ё Чжон.

Не все ясно с годом рождения Ким Чен Ына – некоторые источники называют 1983 г. Были также предложения перенести официальную дату его рождения на 1982 г., чтобы вышло симметрично году рождения деда (1912) и отца, чей день рождения официально перенесен с 1941 г. на 1942 г.

Тетя Ким Чен Ына Ко Ён Сук в ответ на мой вопрос о дате его рождения рассмеялась. Почти 20 лет прошло с тех пор, как она бежала из Северной Кореи, но она точно помнит, что Ким Чен Ын родился в 1984 г. Месяцем раньше она сама родила сына и меняла подгузники обоим младенцам. Тетя и воспитала детей. Ее сестра, любовница Ким Чен Ира, все свое внимание отдавала будущему новому лидеру государства, занимавшему все новые и новые посты в Трудовой партии и в армии.

В Пхеньяне Ко с мужем поселили в жилом комплексе, где один из домов принадлежал Ким Чен Иру: одна оборонительная стена окружала весь комплекс, вторая – жилище Ким Чен Ира, огромный, по словам Ко Ён Сук, дом с собственным кинотеатром и большой игровой для детей. Несмотря на царившую в доме роскошь, жизнь у детей была, в общем-то, невеселая. Они играли только с кузенами или проводили время с отцом, когда тот бывал дома.

Других детей они не видели. Seriously страдавший паранойей Ким Чен Ир строго следил, чтобы его семьи не знали друг о друге, а это означало, что дети росли без общения со своими единокровными братьями и сестрами, а фактически – без общения со сверстниками вообще. Даже отправив учиться в Швейцарию, он разделил их: Чен Нам поехал в Женеву, а трое остальных – в Берн. Ким Чен Ир все это время оставался главой Министерства пропаганды и агитации, снимал фильмы и, согласно официальной биографии, даже написал шесть опер. Он по-прежнему появлялся в кадре рядом с отцом, рассыпавшим во время «выездов на места» жемчужины мудрости по любому предмету – от агротехники до тактики ведения войны. И вот наступил день, ради которого совершались все эти приготовления: 8 июля 1994 г. с Ким Ир Сеном случился обширный инфаркт, и он умер. Двадцать четыре часа, пока режим улаживал последние детали передачи власти, смерть вождя держали в тайне²³

---

²³ Oberdorfer, *The Two Koreas*, 341.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.